

Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 1718-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели», Институт языкознания РАН

РЕТРОСПЕКТИВНО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Ю. Цзюй, М.О. Матвеев

Свою задачу автор статьи видит в том, чтобы при помощи ретроспективного и сравнительного анализа показать эволюцию психолингвистических представлений о языке в разных странах. В статье анализируется эволюция представлений советских, американских, европейских и японских психолингвистов о производстве и восприятии речевых высказываний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психолингвистика, психолингвистические школы, метатеоретический анализ, ретроспективный анализ, советская психолингвистика, европейская психолингвистика, американская психолингвистика, японская психолингвистика

ЦЗЮЙ Юньшен – доктор филологических наук, доцент Института русского языка Хэйлунцзянского университета. zhengzhengjuju@163.com

МАТВЕЕВ Михаил Олегович – преподаватель кафедры английского языка №2 Московского государственного института международных отношений, старший преподаватель Центра изучения иностранных языков при Первом МГМУ имени И.М. Сеченова. mike-matveev@mail.ru

Цитирование: Цзюй Ю., Матвеев М.О. Ретроспективно-сравнительный анализ развития психолингвистической мысли [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 4. – С. 44–61. Режим доступа: [http:// www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Ju. Yunsheng, Mikhail O. Matveyev

RETROSPECTIVE-COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF PSYCHOLINGUISTIC THEORY

The author of the article sees his task in using retrospective and comparative analysis to show the evolution of psycholinguistic ideas about language in different countries. The article analyzes the evolution of ideas of Soviet, American, European and Japanese psycholinguists about the production and perception of speech statements.

KEY WORDS: psycholinguistics, psycholinguistic schools, metatheoretical analysis, retrospective analysis, Soviet psycholinguistics, European psycholinguistics, American psycholinguistics, Japanese psycholinguistics

YUNSHENG Ju. – DSc in Philology, Associate Professor, Institute of Russian Language of Heilongjiang University. zhengzhengjuju@163.com

MATVEEV Mikhail O. – Lecturer in the Department of English No. 2 of the Moscow State Institute of International Relations, Senior Lecturer at the Center for the Study of Foreign Languages at the I.M. Sechenov First Moscow State Medical University. mike-matveev@mail.ru

Citation: Yunsheng Ju., Matveyev M.O. Retrospective- comparative analysis of the development of psycholinguistic theory // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 4. – P. 44–61. Access mode: www.tverlingua.ru

Психолингвистика – довольно молодая научная дисциплина, возникшая на стыке двух наук: психологии и лингвистики, официально появившаяся в США в 1953 г., однако предпосылки к созданию которой возникли гораздо раньше. – в 19в., в работах Гумбольдта.

Е.Ф. Тарасов дает следующее определение науки психолингвистики: «психолингвистика сейчас — это собирательное название для научных теорий, ориентирующихся часто на не только несовпадающие, но иногда прямо противоположные методологические представления; психолингвистические школы и направления возникали на разной национальной и культурной основе, связаны с разными психологическими и лингвистическими школами» (Тарасов, 1987: 7).

Свою задачу автор статьи видит в том, чтобы при помощи ретроспективного и сравнительного анализа показать эволюцию психолингвистических представлений о языке в разных странах.

Впервые термин «психолингвистика» употребил в 1936 году американский психолог Джейкоб Роберт Кантор (Kantor, 1936), а широкое распространение данный термин получил после публикации его ученика, Н. Пронко (Pronko, 1946: 189-239). Затем, в 1951 и 1953 гг., американские психологи, Дж. Кэррол и Ч. Осгуд, а также филолог Т. Сибек, провел летние семинары, которые можно считать началом сотрудничества между психологами и лингвистами; в ходе данных мероприятий удалось прийти к некоторому соглашению относительно теоретических основ психолингвистических исследований и путей дальнейшей разработки соответствующих проблем, опубликованных в отдельном труде (Osgood, Sebeok, 1954).

В 1963 г. вышла статья Ч. Осгуда (Osgood, 1963), в которой автор высказывает мысль, что область исследования человеческого общения охватывает все социальные науки.

Психолингвистика изучает те процессы, в которых интенции говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода, и эти сигналы преобразуются в интерпретации слушающих. Другими словами, психолингвистика имеет дело с процессами кодирования и декодирования, поскольку они соотносят состояние сообщений с состоянием участников коммуникации (Osgood, 1963: 3).

Таким образом, по мнению Осгуда, в рамках психолингвистики изучается взаимосвязь между процессами производства и восприятия речи с физиологическим и психическим состоянием участников коммуникации: речевые процессы необходимо соотносить не с системой языка, а с человеком и его сознанием, Основная заслуга Ч. Осгуда заключается в том, что он сформулировал принципиально новую для своего времени объектную область – коммуникацию, в рамках которой работают все

психолингвистические школы и направления. В то же время, изучение данной области проводилось с использованием устаревшего подхода, использовавшегося в психологии речи, поэтому выдающихся достижений в рамках данного направления получено не было.

Примерно в это же время в США появляется еще одна психолингвистическая школа – трансформационная психолингвистика, основателями которой выступили психолог Дж. Миллер и лингвист Н. Хомский.

... трансформационная грамматика есть попытка дать в форме последовательных логических операций гипотетическую модель, отображающую лингвистические знания взрослого говорящего — слушателя (Тарасов, 1987: 45).

Краеугольным камнем трансформационной (порождающей) грамматики Миллера-Хомского является понятие «трансформация». Вот как данное понятие определяет Хомский:

Возвращаясь к главной теме, замечу, что под порождающей грамматикой я понимаю просто систему правил, которая некоторым эксплицитным и хорошо определенным образом приписывает предложениям структурные описания. Очевидно, что каждый говорящий на языке овладел порождающей грамматикой, которая отражает знание им своего языка. Это не значит, что он осознает правила грамматики, или даже что он в состоянии их осознать, или что его суждения относительно интуитивного знания им языка непременно правильны (Хомский, 1972: 15).

Необходимо отметить, что сам Хомский не позиционирует концепцию трансформационной грамматики как модель, отображающую реальные процессы производства предложений в реальных условиях коммуникации. Автор настаивает, что данная концепция представляет из себя исключительно теоретическую модель языка (не коммуникации). Как утверждает Е.Ф. Тарасов, идеи Хомского – «абстракция, за которой нет никакой непосредственной психологической реальности».

...трансформационная грамматика Н. Хомского в качестве модели реальных психических процессов порождения и восприятия речи ничем не отличается от прочих нормативных грамматик: все они не являются функциональными и, следовательно, не отображают процессов, происходящих в психике общающихся людей (Тарасов, 1987: 45).

Кроме того, Ч. Осгуд, оценивая трансформационную психолингвистику Миллера-Хомского, утверждает, что данная школа не привнесла в психолингвистику ничего кардинально нового, так как в ее рамках не было создано принципиально новых представлений о речевом общении, а также не произошла смена научной парадигмы (Osgood, 1983).

Также, в ходе многочисленных экспериментальных проверок концепции Н. Хомского (Леонтьев, 1969; Blumenthal, 1970; Engelkamp, 1974; Leuninger, Miller, Muller, 1972) было выявлено, что использование понятия «трансформации» не позволяет адекватно описать процесс коммуникации.

Необходимо также отметить и положительный аспект идей Хомского: это был первый раз, когда не лингвистика заимствовала психологические идеи а сама предложила психологии нечто новое (схемы порождения грамматически правильных предложений). Кроме того, многие новые направления в лингвистике возникли именно в противовес идеям Миллера и Хомского:

Антихомскианские и антитрансформационистские тенденции в лингвистике и психолингвистике привели к эрозии психолингвистики Миллера—Хомского и по своим результатам были более значимы, чем многочисленные исследования в русле идей этой психолингвистической школы (Тарасов, 1987: 68).

Именно в противовес ему возникла советская школа психолингвистики – теория речевой деятельности.

Необходимо отметить, что теория речевой деятельности возникла не с нуля – ее появлению предшествовали изыскания многих отечественных ученых.

Первым российским психолингвистом можно считать И.А. Бодуэна де Куртене. Так, Т.С. Шерадзенидзе полагает, что психологизм присущ уже ранним работам данного ученого (Шерадзенидзе, 1980: 27), однако, по мнению В.В. Иванова (Иванов, 2004: 37) и др., психологическое направление в его работах стало развиваться не сразу. Бодуэн полагал, что язык представляет из себя психическую сущность, и его можно изучать исключительно совместными усилиями лингвистов и психологов:

Сущность человеческого языка исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами. Нет и не может быть в речи человеческой ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим» (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 348).

И.А. Бодуэн де Куртенэ также утверждал, что в человеческое сознание обусловлено знанием языка:

В языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих. Поэтому мы вправе считать язык особым знанием (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 79).

Таким образом, идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ заложили теоретическую основу дальнейших психолингвистических исследований.

Развивал идеи Бодуэна советский лингвист Л.В. Щерба. В основе его подхода к изучению языка лежит внимание не только к самому языку, но и к использующему его человеку:

Я... зову любить, наблюдать, изучать человека, обнаруживающего свои переживания, и человека, понимающего внешние знаки этих переживаний, вообще человека, как единственного истинного носителя языка как выразительного средства познания. Я зову также наблюдать и изучать язык в процессе языка (Колесов, Щерба, 1987: 48)

Охват научных интересов Л.В. Щербы был довольно широк, однако он не изменял своим взглядам, и привносил в понимание разных языковых

явлений психологический компонент. Например, такое определение Щерба дает понятию «фонема»:

Фонемы – это продукт нашей психической деятельности... они являются, хотя и типовыми, но все же конкретными фонетическими представлениями... (Щерба, 1983: 14)

По мнению Л.В. Щербы, можно разграничить пассивную и активную грамматики. Под пассивной грамматикой он понимает традиционный подход к языку, при котором исследователи исходят из формы языковой единицы, приходя к ее смыслу, а в рамках активной грамматики ученые идут другим путем – от смысла к форме, т.е. для передачи необходимого смысла человек выбирает нужную и наиболее подходящую в данной ситуации форму или же сам ее создает (Щерба, 1947: 65–66; Леонтьев, 1969: 77, 333–338).

Крайне важный характер для становления отечественной психологии и психолингвистики носили работы Л.С. Выготского. Его можно считать основателем советской психолингвистической школы, в рамках которой будут затем работать такие исследователи как А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. Н. Соколов, П. Я. Гальперин, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьев.

Согласно теории Л.С. Выготского, процесс перехода от мысли к слову осуществляется «от мотива, порождающего какую либо мысль, к оформлению самой мысли, опосредствованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» (Выготский, 1982: 375).

Большое внимание Выготский уделял вопросам развития детской речи и мышления:

... обнаруживается основной, несомненный и решающий факт — зависимость развития мышления от речи, от средств мышления и от социально-культурного опыта ребенка... Мышление ребенка развивается в зависимости от овладения социальными средствами мышления, т. е. в зависимости от речи (Выготский, 1934: 95)

В ходе исследований Л.С. Выготский пришел к выводу о социальной природе языка:

Если исходить из того, что речь — это процесс использования общественно-исторически выработанных знаний, зафиксированных в значениях слов и способах их употребления, то, следовательно, речевое мышление «представляет собой не природную, натуральную форму поведения, а форму общественно-историческую... (Выготский, 1934: 101).

Значимой фигурой в отечественной психологии был ученик Выготского, А.Н. Леонтьев, создавший теорию деятельности, и его последователь А.А. Леонтьев, работавший в рамках теории речевой деятельности.

Ключевая особенность теории деятельности заключается в постулате, что сознание и поведение неразрывно связаны между собой.

А. Н. Леонтьев пишет:

...что такое человеческая жизнь? Это есть совокупность, точнее, система сменяющих друг друга деятельностей. ...Деятельность есть молярная, неаддитивная единица жизни телесного, материального субъекта (Леонтьев, 1975: 141).

И ниже:

Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания (Леонтьев, 1975: 185).

Вот как описывает концепцию теории речевой деятельности сам автор:

Как любая деятельность, речевая деятельность организована в соответствии с целью или задачей, с опосредованным ею начальным „толчком“ (коммуникативным намерением), системой функциональных блоков, которые обеспечивают последовательность этапов достижения цели, и, наконец, с теми орудиями или средствами, которыми мы располагаем для достижения намеченной цели, получения конечного продукта. Язык и есть набор таких орудий. Но — в рамках системы функциональных блоков, о которой только что говорилось, — мы необязательно должны действовать в соответствии с алгоритмическими правилами, руководствоваться раз и навсегда заданной жесткой схемой операций, как это получается у Хомского

или в работах Миллера начала 60-х годов. Любая деятельность, в том числе речевая, по самой своей сущности эвристична... (Леонтьев, 1975: 24)

Таким образом, можно заключить, что представители американской и советской школ пытались подойти к изучению языка с новой стороны. Однако отличие между американской и советской психолингвистикой заключается в том, что в основе подхода американских психолингвистов лежали лингвистические теории, а в основе подхода советских исследователей – психологическая, а именно теория деятельности А.А. Леонтьева.

Другой подход к психолингвистическим исследованиям практиковался среди европейских исследователей. В Европе на тот момент уже существовали собственные традиции психологических исследований.

Основополагающие идеи европейской психолингвистики высказал Д. Дюбуа. По его мнению, язык представляет из себя не формальный объект, одинаковый для всех людей и имеющий неизменный характер. Напротив, язык – продукт работы социума, постоянно меняющийся с течением времени (Dubois, 1975). Последователь Дюбуа, Р. Румметфейт, выступал с активной критикой теории Хомского за то, что в них рассматривается не сам язык, а высказывания, вырванные из широкого контекста (Rommetveit, 1968).

Нельзя не упомянуть в данной работе и выдающегося европейского психолога Ж. Пиаже, занимавшегося исследованиями детской речи и мышления. По мнению Пиаже, у человека отсутствуют врожденные когнитивные структуры; они возникают вследствие работы интеллекта – единственного врожденного инструмента познания окружающей реальности. Пиаже полагал, что гипотезу Хомского нельзя считать приемлемой, так как существование врожденных знаний о грамматических структурах невозможно объяснить и доказать ни с помощью лингвистики, ни с помощью психологии, ни с помощью биологии. Кроме того, по мнению Пиаже, необходимость во врожденных знаниях у человека отсутствует.

Таким образом, операции диссоциации, объединения и т. п. есть координация между действиями, прежде чем они могут быть трансформированы в вербальную форму, и язык не является причиной их формирования: язык бесконечно расширяет их власть и придает им общность и подвижность, которых бы они не имели без него, но он не является источником этих операций (Piaget, 1964: 54)

Вот как отзывается Е.Ф. Тарасов о концепциях Хомского и Пиаже:

... они просто несопоставимы: концепция Ж. Пиаже – это блестящая психологическая теория формирования мышления, в основе которой лежит огромный экспериментальный материал, а генеративная теория Н. Хомского в ее психолингвистическом применении не имеет под собой никакой психологической реальности (Тарасов, 1987: 65)

Поддерживал теорию Пиаже и советский психолингвист Лурия:

Есть все основания считать, что генетические корни языка следует искать вне языка, в тех формах конкретных человеческих действий, в которых осуществляется отражение внешней действительности и формирование субъективного образа объективного мира, основных приемов общения ребенка с окружающими (Лурия, 1975: 148).

Другой взгляд на происхождение речи предложил голландский ученый В. Левельт (Vock, Levelt, 1994). По его мнению, процесс порождения речи состоит из следующих этапов: коммуникативное намерение, выбор информации для выражения, ее упорядочение, связывание с ранее изложенной информацией. Данные процессы получили название «концептуализация», а система, с помощью которой можно они выполняются – «концептуализатор».

На первом уровне формируется коммуникативное намерение, т.е. формулируется основная идея того, о чем автор высказывания хочет сообщить собеседнику.

Второй уровень состоит из двух этапов: отбора лексических единиц, позволяющих выразить необходимое значение (называемое автором

«леммой» участвуют леммы - нефонологическая часть лексической информации слова. В лемму входит концептуальная информация и морфосинтаксические характеристики, т.е. все кроме фонологического аспекта слова), и создание синтаксической структуры будущего высказывания.

Третий этап, позиционный, включает в себя работу с морфологической структурой высказывания: подбор и определение места морфем.

Таким образом, на втором и третьем этапах определяется грамматическая структура будущего высказывания, поэтому второй уровень получил название «грамматический».

Наконец, третий уровень, фонологический. На данном уровне происходит отбор фонем и интонационных схем для озвучивания лексем. Затем, эти данные преобразуются в артикуляционный план высказывания. После этого происходит последовательное извлечение блоков внутренней речи из артикуляторного буфера и передача их органам речи на исполнение. Продукт артикуляции - внешняя речь

По мнению Левельта, наиболее ярко данные функции прослеживаются при возникновении речевых ошибок.

Помимо этого, говорящий должен следить за тем, что он сам и другие говорящие сказали в ходе взаимодействия, так как, по мнению Левельта, говорящий также является и собственным слушателем, а описанная система позволяет как понимать речь собеседника, так и говорить самому.

В своих работах Левельт говорит о превалирующей роли лексики в порождении речи. По его мнению, в психолингвистике необходимо уделять большее внимание внутренней структуре лексических единиц и структуре ментального лексикона. Согласно теории Левельта, каждое слово связано с информацией четырех типов — о значении слова, о его фонологических, морфологических и синтаксических особенностях, а иногда также и о его прагматических, стилистических и даже экспрессивных характеристиках, и по каждому из этих типов информации могут создаваться отношения между

словами, хотя автор также упоминает, что в данном случае может иметь место быть и ассоциативная связь.

К сожалению, многие идеи, высказанные европейскими лингвистами, не получили в свое время должного развития по историческим причинам: Вторая мировая война оказала пагубное влияние в том числе и на европейскую науку.

Необходимо также отметить достижения японской психолингвистической школы. Японские психолингвисты выбрали свой собственный путь развития: они специализируются на изучении особенностей речевой деятельности и коррелирующих ментальных процессов у носителей японского языка. Тем не менее, достижения японских ученых представляют интерес не только в локальном, но и в глобальном масштабе.

Первоначально японские ученые предполагали, что при восприятии слоговой азбуки и иероглифического письма задействуются различные психические механизмы и разные полушария мозга, однако в ходе исследований было обнаружено, что в ходе работы с речью задействуются оба полушария мозга: за семантику отвечает правое, а за преобразование смысла в текст, за формальные механизмы – левое (Балонов, Деглин, 1976; Tsunoda, 1984: 176-184.).

В настоящее время в рамках этого направления рассматриваются динамические изменения в сознании и мозге, происходящие в процессе изучения японцами иностранных языков, а также взаимосвязь между двумя языковыми системами, когнитивные и нейронные процессы, задействованные в изучении второго языка (Tsunoda, 1984: 47-73), то есть японские исследователи пошли той же дорогой, что и американские, а именно приняли парадигму современных когнитивных наук, со всеми ее достоинствами и недостатками (более подробное обсуждение парадигмы когнитивных наук выходит за рамки данной статьи).

Существует также концепция Мотоки Токиэды, автор которой полагает, что язык представляет из себя не абстракцию, а субъективную деятельность человека:

В естественных науках объект находится перед наблюдателем как отделенный от него предмет не приходится сомневаться в его существовании. Но в языкознании положение дел совсем другое. Нельзя называть языком только звуки, которые воспринимаются слуховым аппаратом наблюдателя. Конкретный языковой опыт приобретается только тогда, когда мы, услышав некоторые звуки, вспоминаем некоторый смысл или выражаем некоторые идеи в звуках. Это же следует сказать и о письме. Знак, употребленный на письме, – это зрительное впечатление. Если мы обратимся только к этой его стороне, то он не будет отличаться от трещины на поверхности камня. Мы можем считать, что это язык, потому что существует деятельность, в результате которой люди понимают определенный смысл (Токиэда, 1983: 85).

По мнению Мотоки Токиэды, язык существует только когда на нем говорят. Более того, язык и представляет из себя деятельность. Благодаря идеям Токиэды в японской психолингвистике возникло новое направление, получившее название «школа языкового существования», в рамках которой язык рассматривается как социальный феномен. Для этого направления характерны следующие черты: эмпиризм, широкое использование статистических методов, тесная связь с практикой.

Нельзя не отметить очень близкое сходство идей японского исследователя и теории речевой деятельности Леонтьева: в обоих случаях во главу угла ставится не абстрактные системы, а реальная деятельность и взаимодействие с окружающим миром. Необходимо сказать, что теория Леонтьева возникла значительно раньше теории Мотоки, что наталкивает на мысли о том, что именно она носит первичный характер, а Мотока или скопировал ее постулаты, или же воссоздал с нуля уже существовавшую до того теорию речевой деятельности.

Представители школы языкового существования активно исследовали социальные аспекты функционирования современного японского языка. Например, Такэси Сибата изучал следующие проблемы: сколько слов произносит японец в день, какие слова он употребляет в повседневной жизни, сколько времени в день он читает газеты или пишет письма и многое другое. Испытуемых Сибата делил на несколько групп в зависимости от и социальных показателей (причем, испытуемые подбирались таким образом, чтобы они представляли из себя наиболее типичных представителей каждой из социальных групп) и фиксировал всю их речевую деятельность в течении суток.

В ходе исследований Такэси пытался получить следующую информацию:

- статистические данные (число разговоров, число предложений, число словосочетаний, число употребляемых за день слов);
- частота употребления единиц языка (частота употребления слов и словосочетаний, индивидуальные различия в употреблении частотных слов);
- время, которое японцы тратят на чтение и письмо в течение дня;
- длина предложения в разговорном языке (Такэси, 1983: 40).

Приведенный выше список позволяет прийти к выводу, что японские ученые ушли от психолингвистических исследований в сторону социолингвистики, а также, что, несмотря на декларируемую самобытность японской психолингвистики, ее достижения говорят о том, что она следует за американской и советской школами, со всеми их достоинствами и недостатками.

Таким образом, можно прийти к заключению, что психолингвистика – крайне перспективная наука, обладающая большим потенциалом и перспективами развития, однако в данный момент она нуждается в пересмотре парадигмы.

Ссылки – References in Russian

Балонов, Деглин, 1976 – *Балонов Л.Я., Деглин В.Л.* Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Л.: Наука, 1976.

Бодуэн де Куртенэ, 1963: 348; 79 – *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Некоторые из общих положений... // Избранные работы по общему языкознанию. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – 384 с.

Выготский, 1934: 95; 101 – *Выготский Л.С.* Мышление и речь. – М., 1934.

Выготский, 1982: 375 – *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч. в 8 т. Т. 2. – М., 1982. – 375 с.

Иванов, 2004: 37 – *Иванов В.В.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

Колесов, Щерба, 1987: 48 – *Колесов, В.В. Щерба Л.В.*: кн. для учащихся / В. В. Колесов. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.

Леонтьев, 1969: 77 – *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 307 с.

Леонтьев, 1975: 141 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

Лурия, 1975: 148 – *Лурия А.Р.* Научные горизонты и философские тупики в современной лингвистике: (Размышления психолога о книгах Н. Хомского) // *Вопр. философии.* 1975, № 4.

Такэси, 1983: 40 – *Такэси С.* Исследование языкового существования в течение 24 часов // *Языкознание в Японии.* М., 1983.

Тарасов, 1987: 7 – *Тарасов Е.Ф.* Тенденции развития психолингвистики. – М.: Наука, 1987.

Токиэда, 1983: 85 – *Токиэда М.* Основы японского языкознания // *Языкознание в Японии.* М., 1983.

Хомский, 1972: 15 – *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.

Шерадзенидзе, 1980: 27 – *Шерадзенидзе Т.С.* Лингвистическая теория И.А.Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX-XX веков. – М.: Наука. – 1980. – 133 с.

Щерба, 1947: 65–66 – *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. – М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1947. – 96 с.

Щерба, 1983: 14 – *Щерба Л.В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. – Л.: Наука, 1983. – 160 с.

References

Balonov, L.Ya., Deglin, V.L. (1975) *Slukh i rech dominantnogo i nedominantnogo polushariy*, L., Nauka. (in Russian)

Boduen de Kurtene, I.A. (1963) *Nekotoryye iz obshchikh polozheniy... // Izbrannyye raboty po obshchemu yazykoznaniyu*, M., Izdatel'stvo AN SSSR, T.1, 384 p. (in Russian)

Bock, K., and Levelt, W.J.M. (1994). Language production. Grammatical encoding. IN M.A. Gernsbacher (Ed.). *Handbook of psycholinguistics*, pp. 741–779. New York: Academic Press

Blumenthal, A.L. (1970) *Language and psychology: Historical aspects of psycholinguistics*, New York.

Dubois, D. (1975) *Theories linguistiques, modeles informatiques, experimentation psycholinguistique*, Paris.

Engelkamp, J. (1974) *Psycholinguistik*, Miinchen.

Gavrishina, O.N., Filatova Y.V. (2011) Professionalno orientirovannaya informatsionnaya sreda obucheniya // *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, № 4, pp. 148–151. (in Russian)

Ivanov, Vyach.Vs. (2004) *Lingvistika tretyego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu*, M., Yazyki slavyanskoy kultury, 208 p. (in Russian)

Kantor, J.R. (1936). *An objective psychology of grammar*, Bloomington, Indiana University.

Khomskiy N. (1972) *Aspekty teorii sintaksisa*, M. (in Russian)

Kolesov, V.V. (1987) L.V. *Shcherba: kn. dlya uchashchikhsya*, M., Prosveshcheniye, 160 p. (in Russian)

Kostyukova, T.A., Morozova, A.A. (2011) *Razvitiye inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentnosti studentov neyazykovykh vuzov*, Tomsk, Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 119 p. (in Russian)

Leontyev, A.A. (1969) *Psikholingvisticheskiye yedinitsey i porozhdeniye rechevogo vyskazyvaniya*, M. (in Russian)

Leontyev, A.A. (1974) Evristicheskiy printsip v vospriyatii, porozhdenii i usvoenii rechi // *Vopr. Psikhologii*. № 5. (in Russian)

Leuninger, H., Miller, M.H., Muller, F. (1972) *Psycholinguistik. Ein Forschungsbericht*, Frankfurt a. M., Athenaum.

Luriya, A.R. (1975) *Nauchnyye gorizonty i filosofskiy tupiki v sovremennoy lingvistike: (Razmyshleniya psikhologa o knigakh N. Khomskogo)* // *Vopr. filosofii*. № 4. (in Russian)

Osgood Ch. E. (1963) Psycholinguistics // *Psychology: A Study of Science*, New York, Vol. 6.

Osgood, Ch.E. (1983) *Lectures on language performance*, New York.

Piaget, J. Le (1964) Language et la pensee du point de vue genetique // *Six etudes de psychologie*, Geneve.

Pronko, N.H. (1946) Language and psycholinguistics: a review // *Psychological Bulletin*, 43(3), pp. 189–239.

Osgood, Ch.E., Sebeok, T.A. (ed.). (1954) *Psycholinguistics: A Survey of Theory and Research Problems*, Baltimore.

Rommetveit, R. (1968) *Words, Meanings and Messages*, New York.

Sasaki, Y. (1991) English and Japanese Interlanguage Comprehension Strategies: An Analysis Based on the Competition Model // *Applied Psycholinguistics*, № 12.

Shcherba, L.V. (1947) *Teaching foreign languages in high school*, M.; L., Publishing House of the Academy of Sciences of the RSFSR, 96 p. (in Russian)

Shcherba, L.V. (1983) *Russkiye glasnyye v kachestvennom i kolichestvennom otnoshenii*, L., Nauka, 160 p. (in Russian)

Sheradzenidze, T.S. (1980) *Lingvisticheskaya teoriya I.A.Boduena de Kurtene i yeye mesto v yazykoznanii XIX-XX vekov*, M., Nauka, 133 p. (in Russian)

Sibata T. (1983) *Issledovaniye yazykovogo sushchestvovaniya v techeniye 24 chasov // YAzykoznaniiye v Yaponii*, M. (in Russian)

Tarasov, Y.F. (1987) *Tendentsii razvitiya psikholingvistiki*, M., Nauka. (in Russian)

Tokieda, M. (1983) *Osnovy yaponskogo yazykoznaniiya // Yazykoznaniiye v Yaponii*, M. (in Russian)

Tsunoda, T. (1984) *The Japanese Brain: It's Recent Advancement // Riso*, № 613.

Vygotskiy, L.S. (1934) *Myshleniye i rech*, M.

Vygotskiy, L.S. (1982) *Myshleniye i rech // Sobr. soch. v 8 t. T. 2.*, M., 375 p. (in Russian)